НАКАНУНѢ

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВЫХОДИТЪ РАЗЪ ВЪ МѢСЯЦЪ ВЪ ФОРМАТѢ ОТЪ ОДНОГО ДО ДВУХЪ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ.

Адресъ редакціи: *H. Serebriakoff*
53, Siddons Rd., Forest Hill,
London S. E., England.

Подписная цѣна:
На годъ (съ пересылкой) . . . 6 шил. (7 фр. 50 с.)
„ 6 мѣс. „ . . . 3 „ (4 „)

ГОДЪ I, № 7. Іюль 1899 г. ЦѢНА 5 п. (50 с.)

СОДЕРЖАНІЕ:

ЦАРСКІЙ РЕЖИМЪ ВЪ РОССІИ.

Во Франціи всѣ эти годы шла упорная, острая борьба между соціалистами и такъ называемыми радикалами всѣхъ оттѣнковъ. Вражда была страшно ожесточенная, и не разъ за послѣдній десятокъ лѣтъ полурадикальное министерство опиралось на правую, въ стремленіи раздавить соціалистовъ, и не разъ соціалистическіе депутаты голосовали вмѣстѣ съ правой для того, чтобы погубить то или другое полурадикальное министерство. Внѣ парламентской жизни ожесточеніе было еще сильнѣе, никакіе компромиссы не допускались. Что же мы видимъ теперь? Соціалистъ Миллеранъ, поддерживаемый большинствомъ парламентской соціалистической группы,—вступаетъ въ министерство Вальдека Руссо, опортюниста и заклятаго врага соціалистовъ. Соціалистъ-революціонеръ Вальянъ протестуетъ противъ генерала Галифе, но не подаетъ своего голоса противъ министерства, а только воздерживается отъ голосованія ему довѣрія. Внѣ парламента еще болѣе поразительныя вещи: Оппортюнисты, радикалы, соціалисты и анархисты совмѣстно организуютъ митинги и демонстраціи, поддерживаютъ на нихъ другъ друга и пр.—однимъ словомъ, представляютъ изъ себя какъ бы одну партію, которую противники окрестили партіей дрейфусаровъ.

Кто же изъ нихъ измѣнилъ своему ученію? кто перешелъ въ другой лагерь?—Никто. Они остались между собою такими же политическими антагонистами и противниками, какими были раньше; и не пройдетъ много времени, ихъ взаимная борьба вспыхнетъ съ неменьшей силой, съ неменьшей энергіей.*)

Дѣло въ томъ, что пока республикѣ не грозила опасность, каждый изъ нихъ стремился провести свой идеалъ въ жизнь, всѣ думали о будущемъ, о движеніи впередъ, и каждый по своему. Но разъ угрожаетъ опасность плодамъ прежнихъ завоеваній, разъ странѣ грозитъ режимъ военщины, который не на одинъ годъ можетъ отодвинуть возможность борьбы за прогрессъ, то они объединяются для борьбы во имя настоящаго, во имя свободы слова, свободы рѣчи, во имя правъ человѣка, провозглашенныхъ въ 1793 г. Противъ объединенной реакціи—они объединенная республиканская партія, партія свободы.

Въ Бельгіи, гдѣ борьба между соціалистами и либералами была, пожалуй, еще болѣе острой, и гдѣ еще недавно, благодаря непримиримому отношенію соціалистовъ къ либераламъ, послѣдніе были почти разбиты на выборахъ, тамъ мы тоже видимъ какъ бы

*) Уже теперь по мѣрѣ уменьшенія опасности въ соціалистической прессѣ подымаются голоса противъ союза съ буржуазіей.

Въ этомъ обращеніи, написанномъ, несомнѣнно, «интеллигентомъ», звучитъ уже совсѣмъ неподобающая нота задѣтаго самолюбія, вопросовъ о какомъ то главенствѣ, о какомъ то ареопагѣ, въ который не допускаются рабочіе. Мы думаемъ, что самъ авторъ этого воззванія не отдавалъ себѣ яснаго отчета о смыслѣ того, что онъ писалъ, ибо въ неискренности и преднамѣренной инсинуаціи намъ не хотѣлось бы его заподозрить. Наименьшее, что можно предполагать—это полное незнакомство съ исторіей революціонной дѣятельности въ Россіи. О самообольщеніи, о главенствѣ, о такъ называемомъ ареопагѣ, въ серьезномъ революціонномъ движеніи не можетъ быть и рѣчи, объ этомъ можно, пожалуй, толковать заграницей, гдѣ вождямъ предстоятъ слава, парламентскія мѣста и пр., но тамъ, гдѣ въ перспективѣ только каторга и висѣлица, поднимать подобныя вопросы, по меньшей мѣрѣ неприлично. Въ Россіи могутъ толковать объ этомъ только люди, не имѣющіе предъ собою серьезнаго дѣла.

Разъ же начинается дѣло серьезное, то такъ называемыми вождями будутъ тѣ, кто умѣлѣе, преданнѣе, смѣлѣе и энергичнѣе работаетъ, и всякіе вопросы о томъ, кто интеллигентъ или неинтеллигентъ, будутъ вполнѣ неумѣстны. Мышкинъ, Рогачевъ, Желябовъ, Михайловъ, Перовская, Фигнеръ и пр. никогда не считали себя вожаками, и никто ихъ не выбиралъ и не назначалъ, хотя въ дѣйствительности они были таковыми, ибо, какъ въ періодъ пропаганды, такъ и въ періодъ борьбы съ правительствомъ они взяли на себя наибольшую тяжесть работы, или въ наиболѣе опасныя мѣста, и ихъ дѣятельность была наиболѣе продуктивна. И главенство являлось не результатомъ ихъ желаній, а довѣрія къ ихъ уму, къ ихъ энергіи и преданности со стороны окружающихъ товарищей. Бояться же какого то ареопага, (а если не бояться, то зачѣмъ писать о немъ), который можетъ самовластно управлять движеніемъ, уже слишкомъ наивно. Кто же его будетъ слушать?

Убѣждать рабочихъ сторониться интеллигенціи, значитъ вводить совершенно безполезную смуту въ революціонное движеніе, ибо опять таки всякая партія, всякая группа будетъ оцѣнивать своихъ членовъ не по тому, работаетъ ли онъ напилкомъ, перомъ или кистью, а по его преданности и полезности для дѣла. Ни одна партія не будетъ стараться замѣнить бездарно-безграмотнымъ человѣкомъ—образованнаго, даровитаго писателя, человѣкомъ, не умѣющимъ связать двухъ словъ,—талантливаго оратора, человѣкомъ, не способнымъ къ пропагандѣ,—искуснаго пропагандиста и агитатора, и, конечно, никто не будетъ справляться, рабочій ли это Халтуринъ или интеллигентъ Желябовъ, всѣмъ нужны сила, знаніе и талантъ, и конечно, самъ авторъ или авторы нижепомѣщаемаго воззванія, еслибъ имъ пришлось столкнуться съ серьезной дѣйствительностью—немедленно же забыли бы о своемъ страхѣ или отвращеніи къ интеллигенціи.

Что же касается «самоосвобожденія рабочихъ», то противъ этого никто спорить не будетъ. Несомнѣнно, что какъ рабочіе заводовъ и фабрикъ, такъ и все рабочее населеніе Россіи дѣйствительно освободится только тогда, когда само примется за свое освобожденіе; но несомнѣнно такъ же и то, что оно не только не будетъ чураться интеллигенціи, а наоборотъ привлечетъ къ своему дѣлу всѣ лучшія и честныя интеллигентныя силы страны.

Само по себѣ стремленіе массы фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ, организоваться и бороться на почвѣ своихъ повседневныхъ интересовъ весьма практично, и этому могутъ только радоваться всѣ друзья прогресса. Но внушать имъ, что все должно подчиняться ихъ **повседневнымъ** интересамъ,—не простительная узость.

Прогрессъ человѣчества не зависитъ только отъ удовлетворенія «**повседневныхъ**» интересовъ **фабричныхъ и заводскихъ** рабочихъ, и въ свою очередь эти повседневные интересы **никогда** не будутъ удовлетворены безъ прогресса человѣчества. Борьба за свои повседневные интересы той или другой части рабочаго класса есть не болѣе, какъ первый шагъ къ пробужденію; настоящее же пробужденіе начинается съ той минуты, когда люди начинаютъ понимать тѣсную связь своихъ интересовъ съ интересами всего рабочаго населенія, съ интересами и ходомъ прогресса всей страны и всего человѣчества.

Какъ широко ни считайте, но все же фабричные и заводскіе рабочіе составляютъ только небольшую часть населенія Россіи, они могутъ быть грозной, непобѣдимой силой только тогда, когда явятся авангардомъ и, если хотите, «**интеллигенціей**» всего рабочаго населенія страны. Стоя же только на почвѣ своихъ повседневныхъ интересовъ, они будутъ не болѣе, какъ однимъ изъ факторовъ движенія, и сами по себѣ многаго не достигнутъ. Городской пролетаріатъ, а среди него, въ особенности, фабричные и заводскіе рабочіе должны стремиться быть представителями всего рабочаго населенія страны и борцами за его интересы.

Городской пролетаріатъ только тогда сможетъ сыграть подобающую ему роль и только тогда дѣйствительно освободится, когда онъ проникнется не только сознаніемъ своихъ повседневныхъ интересовъ, а гражданскимъ самосознаніемъ и идеалами высшей правды и справедливости, и будетъ бороться за политическое и экономическое обновленіе всей Россіи.

Въ заключеніе прибавимъ, что въ настоящее время, когда правительство, въ союзѣ со всѣми реакціонными элементами, стремится раздавить русское передовое движеніе, большую отвѣтственность берутъ на себя люди, вносящіе смуту въ рабочую и революціонную среду ради тѣхъ или другихъ кружковыхъ интересовъ. Теперь всѣ наши усилія должны быть направлены къ тому, чтобы всѣ фракціи, **оставаясь самими собою**, объединились для борьбы съ воинствующей реакціей!

Е. Серебряковъ.

ВОЗЗВАНІЕ ГРУППЫ САМООСВОБОЖДЕНІЯ РАБОЧИХЪ.*)

С.-Петербургъ, мартъ, 1899 г.

Считая объединеніе пролетаріата всѣхъ странъ подъ единымъ знаменемъ международной соц.-дем. идеаломъ рабочаго движенія, и думая, что настанетъ то время, когда и рабочая Россія примкнетъ своими силами къ общему потоку, который долженъ снести тяготѣющее надъ міромъ иго капитализма, мы тѣмъ не менѣе принуждены признать, что русскому рабочему движенію еще до этого далеко. Рабочая Россія еще только просыпается, только осматривается кругомъ и инстинктивно хватается за первыя попавшіяся средства борьбы. Рабочее движеніе Россіи пока нельзя назвать ни планомѣрнымъ, ни сознательнымъ, ни достаточно широкимъ не только для того, чобы рабочій классъ, **какъ классъ**, могъ

*) Перепечатываемъ съ оттиска скорописной машины.—Ред.

теперь же примкнуть къ міровому движенію, но и для того, чтобы въ самой Россіи можно было теперь организовать объединенную борьбу.

Въ силу этой неразвитости движенія передовые слои его—боевые кружки «соціаль-демократіи» недостаточно спѣлись даже въ общихъ вопросахъ програмнаго характера. Имъ и нельзя спѣться, устранить програмную рознь, объединиться. Тяжелыя, неблагодарныя политическія условія мѣшаютъ такому желанному дѣлу. Та же недостаточная сила и рѣзкость движенія порождаютъ и еще одно печальное явленіе: онѣ позволяютъ «интеллигенціи», по старой памяти, слишкомъ самообольщаться на счетъ своего значенія. Считая себя какой то особенной силой, интеллигенція организуется въ революціонныя группы для освобожденія рабочаго класса, широко раскрывая свои двери новымъ «революціонно настроеннымъ» единицамъ, въ большинствѣ случаевъ не сознающимъ той реальной подкладки, на которой зиждется ихъ настроеніе и не понимающихъ роли и значенія рабочаго класса. Пылкій революціонеръ, [величающій себя по недоразумѣнію, «идеологомъ пролетаріата», и истинный идеологъ его братски работаютъ въ одной организаціи, но въ нее, въ этотъ, такъ сказать, ареопагъ, меньше всего допускаются какъ разъ тѣ, чьи интересы берется «защищать» такой трогательный союзъ интеллигентовъ. . . . Дѣятельность такихъ группъ не можетъ быть, разумѣется, ни широкой, ни плодотворной, ни отвѣчающей все растущимъ запросамъ рабочихъ массъ. Теперь настаетъ время, когда рабочіе должны, наконецъ, взять въ свои руки свое собственное дѣло. Только тогда рабочее движеніе могучей волной разольется по всей Россіи, только тогда сможетъ русскій рабочій классъ примкнуть къ міровой борьбѣ пролетаріевъ. Всѣмъ этимъ, намъ думается, вполнѣ оправдывается и объясняется наше рѣшеніе выступить новой самостоятельной группой самоосвобожденія рабочаго класса. Мы говоримъ «самоосвобожденія»,—и въ этомъ словѣ заключается краеугольный камень нашей практической программы. Это нашъ девизъ. Что онъ значитъ? Онъ значитъ, что только активная борьба самихъ рабочихъ, только самостоятельная и широкая организація рабочихъ массъ является залогомъ освобожденія труда отъ власти капитала. На какой же почвѣ можетъ и необходимо должна теперь въ Россіи совершаться эта организація массъ? На почвѣ повседневныхъ, реальныхъ интересовъ рабочаго, на почвѣ борьбы за условія его существованія и труда. И агитація въ цѣляхъ такого объединенія рабочаго класса (боевые, кассовые союзы и проч.) должна быть первою задачею всякой активной соціаль-демократической группы въ Россіи. Для этого въ рукахъ ея должно быть такое средство, какъ прокламаціонная и газетная дѣятельность при непосредственномъ участіи рабочихъ. Рабочее движеніе Россіи не такъ сильно, но у насъ зрѣютъ сознательныя рабочія единицы. Онѣ—лучшіе знатоки реальныхъ интерессовъ массы, онѣ—лучшіе агитаторы. и выработка такихъ вполнѣ сознательныхъ агитаторовъ для главнаго дѣла—подъема самосознанія и организаціи всей рабочей массы—тоже должно быть непосредственной цѣлью всякой активной группы, которая и сама должна быть организаціей рабочихъ. Средства это второй, подчиненной цѣли?—организація рабочихъ кружковъ въ цѣляхъ пропаганды въ нихъ соціальдемократическихъ идей въ ихъ полномъ объемѣ и издательство и распространеніе соціаль-демократич. литературы.

«Но—скажутъ намъ—вы ничего не говорите до сихъ поръ о политикѣ, вы забываете, что рядомъ съ основнымъ противорѣчіемъ нашего общественнаго строя—противоположностью интересовъ труда и капитала, у насъ есть еще одно важное противорѣчіе—противорѣчіе между интересами того же труда и нашей политической системой; вы какъ будто выкидываете за бортъ политическую агитацію, политическую борьбу». Нѣтъ, мы не выкидываемъ ее за бортъ, ибо мы слишкомъ твердо помнимъ, что политическая свобода—одно изъ условій торжества рабочаго класса. Но мы не хотимъ, чтобы политическая агитація висѣла въ воздухѣ, мы хотимъ, чтобы она была связана съ непосредственными, реальными нуждами рабочихъ массъ, чтобъ она отвѣчала уже назрѣвшимъ запросамъ ихъ къ политическому строю. Политика —«надстройка» надъ общественными отношеніями производства, и политическая агитація должна бы надстройкой надъ агитаціей въ пользу борьбы экономической; должна выростать на почвѣ этой борьбы и идти за нею. . . . Другое дѣло пропаганда. Здѣсь наши политическіе идеалы могутъ и должны развертываться въ ихъ полномъ объемѣ.—

Такова въ общихъ чертахъ программа, которую будетъ проводить въ жизнь наша группа. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій ея осуществленія является, конечно, постоянный притокъ матеріальныхъ средствъ. По этому въ заключеніе мы должны обратиться къ лицамъ, сочувствующимъ намѣченной нами программѣ, за матеріальной поддержкой и твердо надѣемся, что наша группа, группа самоосвобожденія рабочаго класса, не останется безъ этой поддержки, по крайней мѣрѣ, на первое время, чтобы положить основаніе той кассѣ русскаго рабочаго движенія, которая въ концѣ концовъ должна стать дѣйствительно рабочей кассой.—

«Группа самоосвобожденія рабочаго класса».

ПИСЬМО ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Петербургъ 5 іюня (ст. ст.).

«Съ божьей стихіей царямъ не совладать», сказалъ Пушкинъ. Со стихіей могутъ бороться только люди предусмотрительные, готовящіеся къ борьбѣ съ нею и принимающіе всѣ мѣры, указываемыя современнымъ состояніемъ науки, техники и человѣческаго опыта. Вотъ потому-то на западѣ ни одно правительство не можетъ быть застигнуто такъ же врасплохъ, какъ наше царское, какимъ нибудь народнымъ стихійнымъ бѣдствіемъ. Опирающееся на ложь и хищеніе царское правительство никогда не руководствовалось въ своей политикѣ интересами народа и страны. На первомъ планѣ всегда стояли интересы царской семьи, династіи и самодержавія. Народъ,—его матеріальное и моральное благосостояніе—не принимался въ разсчетъ. Составлялись лживые, бьющіе на эффектъ «бездефицитные» бюджеты, за которыми скрывались выколачиваніе податей изъ раззореннаго крестьянства и чрезвычайныя поступленія, ухудшавшія изъ года въ годъ положеніе «обѣднѣвшихъ и неуспѣвшихъ оправиться отъ прежнихъ бѣдствій и недородовъ (по выраженію легальныхъ газетъ) губерній. Всѣ заботы о моральномъ благосостояніи народа сводились къ тому, чтобы онъ оставался вѣренъ православію и самодержавію.

Наступаетъ голодъ, и правительство не только не принимаетъ мѣръ, но настолько преступно и жестоко, что даже первое время запрещаетъ газетамъ говорить о народномъ бѣдствіи: раньше узнало бы общество о немъ, и раньше начала бы организоваться помощь для несчастнаго народа! И только уже тогда, когда скрывать было невозможно, и бѣдствіе разразилось надъ многими губерніями, правительство допустило нѣкоторое вмѣшательство общества, безъ котораго чуть бы не вымерла цѣлая приволжская страна.

Легальныя газеты достаточно ярко описываютъ ужасы голода, болѣзней и смерти, чтобы намъ еще останавливаться на томъ, что переживаетъ населеніе голодающихъ губерній. Мы желаемъ дѣйствовать не на нервы читателей, а обращаемся къ ихъ сердцу и уму. Мы говоримъ, что правительство виновато не только въ томъ, что само нерадиво и халатно относится къ народнымъ интересамъ, о чемъ мы упоминали въ своемъ прошломъ письмѣ, но оно еще преступнымъ образомъ воспрепятствовало своевременной организаціи общественной помощи голодающимъ, которая могла бы, если не предупредить, то во всякомъ случаѣ смягчить народное бѣдствіе.

Письма, получаемыя изъ провинціи, самаго тревожнаго характера, такъ какъ грозитъ недородъ и южнымъ губерніямъ. Народное бѣдствіе можетъ принять небывалые даже въ Россіи размѣры, такъ какъ сравнительно богатыя губерніи попадутъ въ положеніе голодающихъ. Бѣдствіе и голодъ охватятъ всю Россію. Откуда же ждать тогда помощи!? . . .

Что сдѣлало правительство, чтобы предупредить или хотя бы ослабить это грозящее бѣдствіе? Мы обращаемся съ этимъ вопросомъ ко всѣмъ мыслящимъ русскимъ людямъ. И они знаютъ, что отвѣтъ на него можетъ быть одинъ. Царское правительство ничего не сдѣлало, чтобы предотвратить бѣдствіе, и, пока правитель-